

Научная статья

УДК 94(571.54)"1920/50"(=411.16)

doi: 10.17223/19988613/78/5

Метаморфозы еврейской жизни в Бурят-Монгольской АССР: от «безродных космополитов» до «панмонголистов»

Леонид Владимирович Курас¹, Лилия Владимировна Кальмина²

^{1, 2} *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия*

¹ *kuraslv@yandex.ru*

² *kalminal@gmail.com*

Аннотация. Исследуется политика по отношению к еврейскому народу в контексте решения «национального вопроса» на территории нынешней Бурятии в 1920–1950-е гг. Маятниковая позиция власти в разные годы, диктовавшаяся изменениями статуса и идеологии административных образований на территории Бурятии, поочередно делала памятники народного творчества то объектом гордости, то проявлением «буржуазного национализма». Еврейская интеллигенция оказалась причастной к процессу «панмонголистов» в социалистической Бурят-Монголии из-за своего вклада в развитие бурятской культуры.

Ключевые слова: евреи, панмонголизм, эпос «Гэсэр», космополитизм, Бурят-Монголия

Благодарности: Статья подготовлена Л.В. Курасом – в рамках государственного задания, проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1, Л.В. Кальминой – в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5.

Для цитирования: Курас Л.В., Кальмина Л.В. Метаморфозы еврейской жизни в Бурят-Монгольской АССР: от «безродных космополитов» до «панмонголистов» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 32–37. doi: 10.17223/19988613/78/5

Original article

Jewish Life Metamorphosis in Buryat-Mongolian ASSR: from Rootless Cosmopolitans to Panmongolists

Leonid V. Kuras¹, Lilia V. Kalmina²

^{1, 2} *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

¹ *kuraslv@yandex.ru*

² *kalminal@gmail.com*

Abstract. Aim of the article is to investigate authority's attitude in connection with the Jews on the territory of contemporary Buryatia in 1920-1950s according to the state position in national issue, being depended from the status and ideology of local administrative – territorial entities. The source base of investigation happened to be VChK's instructions about *Zionist threat* and papers of the State Archive of the Republic of Buryatia, describing peculiarities of national-cultural policy in the Buryat-Mongolian ASSR in 1940-1950-s.

The policy in reference to the Jews, always having being considered to be a turbulent nation, though followed the state one was somehow different in Buryat-Mongolia. Accusations in adherence to Zionism and cosmopolitanism, being the core of the Soviet power's Jewish policy in 1920s and 1940-1950s were supplemented in the Republic with absurd suspicions in allegiance to Panmongolism. Participation of some Jewish intellectuals in translation of the Buryat «Geser» Epic was treated as the formal reason for such accusations.

In the course of investigation the authors came to following conclusions:

distortions in national policy in Buryat-Mongolia, when the aspiration for developing national language and culture aroused suspicion in bourgeois nationalism, those being duplicated around the country. Declaring the development of the national cultures as the core of national policy, the state did not define the strict frames behind which development came to the end and nationalist propaganda was launched;

according to the tradition, the Jews were considered to be an unreliable nation, though they did not have any anti-government plans. Their devotion to Zionism could be explained only with the idea of national revival. The campaign against *rootless cosmopolitans* was in fact the offensive to creative intelligentsia's free thinking;

in the Buryat-Mongolian ASSR representatives of the Jewish literary community, aimed at national staff training, became the victims of the vector change in relation to Panmongolism. In 1940s, instead of the means of the unique Mongolian world space construction, it turned to spy-subversive ideology, threatening the national security and Buryat «Geser» Epic from the outstanding oral folk masterpiece in a moment changed to the manifestation of feudal-religious archaic survival;

accusation of the Jews to the belonging to Panmongolism exactly embedded into the policy of the building enemy ideologies from the natural peoples' desire to have their own state. Panmongolism was designed as the base of future national-state formation in the Mongolian world, as well as Zionism was the ideological cornerstone of the Jewish state development.

Keywords: Jews, Panmongolism, «Geser» Epic, cosmopolitanism, Buryat-Mongolia

Acknowledgments: The article was prepared by L.V. Kuras – within the framework of the state assignment, the project “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”, No. 121031000241-1, L.V. Kalmina – within the framework of the state assignment, the project “Russia and Inner Asia: dynamics of geopolitical, socio-economic and intercultural interaction (XVII – XXI centuries)”, No. 121031000243-5.

For citation: Kuras, L.V., Kalmina, L.V. (2022) Jewish Life Metamorphosis in Buryat-Mongolian ASSR: from Rootless Cosmopolitans to Panmongolists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 32–37. doi: 10.17223/19988613/78/5

Октябрьская революция 1917 г., пробудившая национальное самосознание у всех национальных меньшинств бывшей Российской империи, вызвала массовый отток еврейского населения Сибири и Дальнего Востока в Маньчжурию, где оно рассчитывало на возрождение национальной жизни.

По правилу маятника

Принятие в декабре 1918 г. английской Декларации о передаче Палестины под мандат Великобритании пробудило у евреев всего мира надежду на возможность создания собственного государства. Это привело к росту популярности сионистской идеи, которая и без того получила признание у российских евреев. Еще в конце 1917 г. на первых повсеместно проводившихся общинных выборах сионисты одержали убедительную победу во всех сибирских городах. Объединение большинства еврейских организаций Сибири и Дальнего Востока с сионистскими организациями насторожило молодую советскую власть. В июне 1920 г. во все губернские чрезвычайные комиссии и особые отделы было направлено циркулярное письмо ВЧК, в котором имелся раздел «О сионистах» [1. С. 125–127]. В циркуляре желание сионистов создать национальную государственность в Палестине расценивалось как «стремление поработить арабское крестьянство».

Все кардинально изменилось с образованием Дальневосточной Республики, в которой национальная жизнь получила серьезный импульс для развития. Это было связано с деятельностью министра по делам национальностей К.Я. Лукса. К августу 1921 г. он подготовил проект положения о министерстве, были созданы национальные, в том числе и еврейский, отделы, разработан закон о культурно-национальной автономии. Согласно этому закону украинцы, корейцы, тюркотатары и евреи для реализации своих закрепленных конституцией прав на культурно-национальную автономию могли создавать автономные национальные союзы, высшим представительным органом которых

являлись национальные собрания. Последние избирали исполнительный орган – Национальный совет, который, в свою очередь, выставлял одну кандидатуру в состав Министерства по национальным делам [2. С. 53].

Однако век расцвета национальной жизни (еврейской в том числе) был недолог: после упразднения ДВР в отношении сионистов начались силовые акции. В июне-июле 1923 г. были проведены аресты сионистов в Иркутске, Верхнеудинске, Чите и Сретенске. При этом за ними не замечалось никаких противоправительственных замыслов; они были арестованы как адепты возрождения еврейского народа на исторической родине [3. С. 171]. Инструментом советизации еврейства предполагалось сделать приобщение к производительному труду [4. С. 87], но в 1920–1930-е гг. в национальных республиках этот императив не сработал из-за отсутствия промышленного производства. Зато в процессе национально-государственного строительства остро встал вопрос ликвидации неграмотности и подготовки национальных кадров в области культуры, и вот здесь евреи оказались «к месту» [5].

Свидетель эпохи

С победой большевиков начался «грандиозный эксперимент по созданию «новых» национальных культур и идентичностей. Новых – в том смысле, что они конструировались в контексте социалистической идеологии [6. С. 84]. В этом строительстве особое место принадлежит героическому эпосу, зачастую являвшемуся единственным свидетелем отдаленной эпохи, который в художественной форме отражал представления об историческом прошлом и воссоздавал целостные картины народной жизни. Это явление настолько яркое и широкое, что даже позволило исследователям рассматривать литературные отношения Востока и Запада сквозь призму развития эпоса [7].

Первоначально эпос формировался в устной форме, потом обрастал новыми сюжетами и образами, характерными и значительными для своего времени,

позднее закреплялся в книжной форме и дошел до нас в виде обширных произведений. В СССР насчитывалось до 300 эпосов. С 1971 по 1990 г. издательство «Наука» опубликовало серию из 12 томов героического эпоса народов СССР [8].

В ряду образцов устного народного творчества важное место принадлежит бурятскому героическому эпосу «Гэсэр» – вершине многогранного устного творчества бурятского народа и выдающемуся памятнику эпической поэзии мирового масштаба [9. С. 31]. Перед учеными была поставлена задача не просто собрать и систематизировать различные устные версии, но создать письменный литературный канонический текст, фактически – инструмент национальной консолидации, свидетельство древности и силы культуры нации. Задача эта была не только и даже не столько культурной – создавался фундамент народа, версия общей древней и великой истории и культуры, без чего трудно выстроить новую этническую общность из партикуляристской многоплеменной стихии. Исследователи оценивают переход от традиционных устных сказаний к письменному литературному тексту как символ «перерастания» в современный тип общества [Там же. С. 32].

В 1940 г. в Москве была проведена Декада бурят-монгольского искусства. Тогда же Совнарком СССР принял решение о подготовке сводного поэтического варианта героического эпоса «Гэсэр». Юбилей «Гэсэра» должен был продолжить начавшуюся в СССР в 1930-е гг. череду «эпических» юбилеев: 1935 г. – 100-летие первого издания карело-финской «Калевалы», 1936 г. – 750-летие грузинского эпоса «Витязь в тигровой шкуре», 1938 г. – 750-летие русского «Слова о полку Игореве», 1939 г. – 1000-летие армянского эпоса «Давид Сасунский», 1940 г. – 500-летие калмыцкого эпоса «Джангар».

Начались сбор и изучение существовавших версий бурят-монгольского эпоса. К весне 1941 г. был подготовлен черновой вариант свода эпоса, состоявшего из 115 тыс. стихотворных строк. 6 мая 1941 г. за подписью И.В. Сталина вышло постановление Совнаркома СССР о праздновании в ноябре 1942 г. юбилея эпоса «Гэсэр». Его проведению помешала Великая Отечественная война, но работа над эпосом продолжалась.

В 1943 г. у эпоса «Гэсэр» появился первый официальный переводчик для издания на русском языке. Это был Марк Тарловский, советский поэт-лирик, опальный в то время из-за своего непролетарского происхождения, еврей по национальности¹. В июле 1944 г. состоялась конференция писателей и улигершинов (сказителей. – Л.К., Л.К.) Бурят-Монгольской АССР с участием представителей Москвы, Иркутска, Читы, на которой с докладом «Об издании бурят-монгольского эпоса “Гэсэр”» выступил журналист и историк Максим Шулукин [10. Оп. 1. Д. 4829. Л. 48].

Однако в 1946 г. внутренняя политика Советского Союза сделала резкий крен в противоположную сторону: целые пласты традиционной этнической культуры под предлогом борьбы с «феодално-религиозными пережитками» были изъяты и уничтожены. С конца 1940-х гг. в стране в стране регулярно проходили

«проработочные» кампании в научных, вузовских и творческих коллективах. Начались открытые нападки на шедевры устного народного творчества. Гонениям подверглись и представители культурной элиты, являвшиеся главными носителями и «производителями» пережитков. Показательной можно считать дискуссию, развернувшуюся между представителями творческой интеллигенции и партийным руководством республики о бурятском эпосе «Гэсэр». Дискуссии предшествовал XXIV пленум Бурят-Монгольского обкома партии, состоявшийся в сентябре 1946 г., на котором первый секретарь обкома ВКП(б) А.В. Кудрявцев обвинил некоторых видных писателей, ученых, партийных работников в буржуазном национализме. 20–21 мая 1948 г. состоялось совещание, на котором присутствовали члены бюро ОК ВКП(б), ответственные работники обкома партии и Совета Министров БМАССР, ученые, писатели, журналисты. На совещании А. Кудрявцев объявил «Гэсэр» «феодално-ханским эпосом» [9. С. 34]. Наиболее активные научные работники, занимавшиеся его изучением и популяризацией, превратились в «буржуазных националистов», менее активные стали их «слепым орудием». Прозвучало обвинение в панмонголизме в адрес известного поэта еврейского происхождения Семена Метелицы (Ицкович)² за сборник стихов «Подруги». В стихотворении «Курган» при описании битвы при Халхин-голе, подчеркивая боевое братство и дружбу русского и монгольского народов, поэт упомянул имя Чингисхана [11. С. 109–113].

Объект транснациональной истории

Несколько слов о панмонголизме, социокультурном и политическом феномене, отношении к которому было «маятниковым». Введение понятия «панмонголизм» в научный оборот принадлежит основателю «русского символизма» Владимиру Соловьеву, который в «Повести об антихристе» (1900) дает ему негативную характеристику [12]. В начале XX в. в общественном мнении он ассоциировался с «желтой опасностью» как результат поражения России в Русско-японской войне.

После революции 1905–1907 гг. отношение к панмонголизму со стороны официальных властей менялось к лучшему, что обуславливалось двумя факторами: внешним и внутренним. Внешним стал интерес России к Тибету, чему во многом способствовала религиозная и дипломатическая деятельность Агвана Доржиева³. Тогда же иерарх высказался за создание «великой буддийской конфедерации» и убедил Далай-ламу XIII искать в лице России защитницу монголов и тибетцев от угнетения со стороны Китая, Японии и Англии. Внутренний фактор проявился в определенном стремлении достичь единения монгольских народов на основе буддизма, что проявилось в полной мере в дискуссии о перспективах развития бурятского языка, который стал основой формирования бурятской письменности. Это был «золотой век» панмонголизма: как политический феномен он был катализатором развития гуманитарных знаний. Дискуссия о перспективах его развития стала базой будущего национально-

государственного строительства. Ей удалось выйти за пределы бурятского ареала и стать достоянием широкой общественности империи. В процессе дискуссии вызревает идея панмонгольского движения, которое затем переросло в идеологию панмонголизма [13]. При этом, в отличие от пантюркизма, панисламизма, панславизма, панмонголизм возник не как конкурентная среда для противостояния внешним силам, а как стремление к духовному единству, как объект транснациональной истории [14]. Панмонголизм преодолел границы Забайкалья, охватив обширную территорию Монголии, Северного Китая и Дальнего Востока. Евреи, органично вписавшиеся в население Забайкалья, оказались в стороне от этого процесса: их жизнь регламентировалась нормативными актами Российской империи в отношении евреев Сибири [15. С. 25–27].

Вернемся к 1940-м гг., когда отношение к панмонголизму стало совсем иным. Чтобы понять всю тяжесть обвинения в принадлежности к нему, достаточно отметить, что в рассматриваемый период он ассоциировался с шпионско-диверсионной деятельностью в пользу Японии со всеми вытекающими последствиями. Только за 1937 г. и десять месяцев 1938 г. в БМАССР были арестованы 1 248 «панмонголистов», большая часть которых проходила по I категории – расстрел [11. С. 75]. К панмонголистам причислили высшее руководство республики. В частности, по обвинению в руководстве «панмонгольской, контрреволюционной, повстанческо-диверсионной, вредительской организацией» в 1938 г. был расстрелян первый секретарь Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б) Михай Николаевич Ербанов. Поэтому жизни Семена Метелицы, которого вместе с бурятскими литературоведами характеризовали как «прямого отпрыска разгромленного в свое время ербановского буржуазно-националистического руководства республики», реально угрожала серьезная опасность.

«Гэсэр» с еврейским акцентом

Гонения на эпос «Гэсэр» и его создателей не было единичным явлением, характерным только для Бурят-Монголии – им подверглись все эпосы народов СССР в русле ужесточения государственной позиции в национальном вопросе. Через полгода после начала шельмования «Гэсэра» стартовала кампания против «безродных космополитов». Она стала важнейшим звеном в серии политико-идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., инициированных и направляемых высшим партийным руководством страны. Кампания, выглядевшая как антисемитская, на деле была направлена прежде всего на подавление творческой самостоятельности интеллигенции [16]. В эту категорию попала вся еврейская интеллигенция, в том числе евреи – исследователи Гэсэриады и поэты-переводчики, которые разом превратились в «панмонголистов». В их числе были фольклорист Иоганн Альтман⁴, литературный критик Федор Левин⁵, ученый-фольклорист Лазарь Элиасов⁶, Семен Метелица (Ицкович), переводчица бурятских поэтов Татьяна Стрешева (Сальманович)⁷.

В марте 1951 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)». Произошла смена руководства республики. Это повлияло и на судьбу бурятского эпоса «Гэсэр»: в апреле 1951 г. он был признан «культурным наследием бурятского народа» [17. С. 447]. Его оценка как «феодално-ханского произведения» была опровергнута.

В 1959 г. сводный текст эпоса был издан на бурятском языке, в 1968 г. и в 1973 гг. в издательстве «Художественная литература» он вышел на русском языке. Перевод с бурятского сделал еврей Семен Израилевич Липкин⁸. Времена изменились, обвинений в панмонголизме можно было уже не опасаться.

Примечания

¹ Марк Ариевич (Аркадьевич) Тарловский (1902–1952) – поэт, переводчик, литературный секретарь акына Джамбула, переводчик эпоса «Манас». Автор поэтического переложения на современный русский язык «Слова о полку Игореве».

² Семен Метелица (Ицкович) (1912–1974) – поэт, прозаик, драматург, переводчик. Фронтвик, имеет боевые награды. В 1946–1947 гг. городской и областной партактив назвал его вместе с А. Бальбуровым и А. Улановым «прямым отпрыском разгромленного в свое время ербановского буржуазно-националистического руководства республики».

³ Агван Доржиев (1853–1938) – буддийский лама, ученый, дипломат, просветитель, государственный, религиозный и общественный деятель. Сторонник сближения Российской империи и Тибета.

⁴ Иоганн Львович Альтман (1900–1955) – советский литературовед, литературный и театральный критик, ответственный редактор газеты «Советское искусство», журнала «Театр». Фронтвик, имеет боевые награды. В 1949 г. в ходе кампании по борьбе с космополитизмом исключен из партии и из Союза писателей СССР.

⁵ Федор Маркович Левин (1901–1972) – российский литературный критик, главный редактор издательств «Советская литература» и «Советский писатель». Фронтвик, имеет боевые награды. В ходе кампании по борьбе с космополитизмом исключен из партии и из Союза писателей СССР.

⁶ Лазарь Ефимович Элиасов (1914–1976) – советский фольклорист, доктор филологических наук, профессор. Фронтвик, имеет боевые награды. Подвергался репрессиям.

⁷ Татьяна Стрешева (Сальманович) – поэт и переводчик. Иные данные не установлены.

⁸ Семен Израилевич Липкин (1911–2003) – поэт, переводчик аккадского эпоса «Поэма о Гильгамеше», калмыцкого эпоса «Джангар», киргизского эпоса «Манас» и др.

Список источников

1. ВЧК–ГПУ / сост. Ю. Фельштинский. Вермонт : Chalidze Publications, 1989. 216 с.
2. Раднаева С.Б. Основные направления деятельности первого министра по национальным делам Дальневосточной республики Карла Яновича Лука // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 51–56.
3. Курас Л.В., Кальмина Л.В. «План Фугу»: «еврейский вопрос» в Маньчжоу-Го // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 170–176.
4. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М. : Междунар. отношения, 2003. 784 с.

5. Балдано С.В. Формирование и развитие художественной интеллигенции Бурятии (1923–1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 26 с.
6. Балдано М.Н. Создание сводного варианта эпоса «Гэсэр» в контексте проекта нацистроительства // Идеи и идеалы. 2010. № 3 (5), т. 1. С. 84–91.
7. Жирмунский В. Народный героический эпос : сравнительно-исторические очерки. М. –Л. : Гослитиздат, 1962. 435 с.
8. Эпос народов СССР : 12 кн. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1971–1990.
9. Балдано М.Н. Проект нацистроительства: сводный вариант эпоса «Гэсэр» // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 31–36.
10. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1.
11. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.
12. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории с включением краткой повести об антихристе с приложениями // Сочинения : в 2 т. / общ. ред. и сост. А.В. Гулыга, А.Ф. Лосев. М. : Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
13. Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. Ц.П. Ванчикова. Иркутск : Отгиск, 2017. 188 с.
14. Курас Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. М.Н. Балдано. Иркутск : Отгиск, 2016. 252 с.
15. Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 172 с.
16. Сталин и космополитизм. 1945–1953 : документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М. : МФД : Материк, 2005. 768 с. (Россия. XX век. Документы).
17. Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 612 с.

References

1. Felshtinskiy, Yu. (1989) *VChK/GPU*. Vermont: Chalidze Publications.
2. Radnaeva, S.B. (2009) *Osnovnye napravleniya deyatelnosti pervogo ministra po natsional'nym delam Dal'nevostochnoy respubliki Karla Yanovicha Luksa* [The main activities of the first minister for national affairs of the Far Eastern Republic Karl Yanovich Luks]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 10(191–39). pp. 51–56.
3. Kuras, L.V. & Kalmina, L.V. (2021) Fugue plan: Jewish issue in Manchukuo. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 71. pp. 170–176. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/71/24
4. Kostyrchenko, G.V. (2003) *Taynaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm* [Stalin's Secret Policy. Power and Anti-Semitism]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
5. Baldano, S.V. (2004) *Formirovaniye i razvitiye khudozhestvennoy intelligentsii Buryatii (1923–1991 gg.)* [Forming and Development of Artistic Intelligentsia]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
6. Baldano, M.N. (2010) Creation of summary variant of epic “Geser” in the context of nation-building project. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 3(5-1). pp. 84–91. (In Russian).
7. Zhirmunskiy, V. (1962) *Narodnyy geroicheskiy epос: sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folk heroic epic: comparative historical essays]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
8. Bashirovna, D.U. & Petrosyan, A.A. (1971–1990) *Epos narodov SSSR: 12 kn.* [Soviet Union Peoples' Epic. In 12 vols]. Moscow: Nauka.
9. Baldano, M.N. (2014) Nation-building Project: Consolidated Version of the Epic “Geser”. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Review*. 7. pp. 31–36. (In Russian).
10. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARБ). Fund 1.
11. Bazarov, B.V. (1995) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' 1920–1950-kh godov i razvitiye literatury i iskusstva Buryatii* [Public and Political Life, 1920s–1950s, Development of Literature and Art in Buryatia]. Ulan-Ude: SB RAS.
12. Soloviev, B.S. (1988) *Sochineniya : v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
13. Kuras, L.V. (2017) *Panmongolizm kak proyavlenie etnichnosti mongol'skogo mira v pervoy chetverti XX veka* [Pan-Mongolism as Manifestation of Ethnic Mongol World at the First Quarter of 20th Century]. Irkutsk: Ottisk.
14. Kuras, L.V. (2018) *Transnatsional'naya istoriya mongol'skogo mira v usloviyakh revolyutsionnogo pod"ema: pervaya chetvert' XX v.* [Transnational History of Mongol World in Revolution Rise Situation, First Quarter of 20th Century]. Irkutsk: Ottisk.
15. Kalmina, L.V. & Kuras, L.V. (1999) *Evreyskaya obshchina v Zapadnom Zabaykal'e (60-e gody XIX veka – fevral' 1917 goda)* [Jewish Communities in Western Transbaikaliya, in 1860s – February, 1917]. Ulan-Ude: SB RAS.
16. Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) *Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953: dokumenty Agitpropa TsK* [Stalin and Cosmopolitanism. 1945–1953. Documents of Central Committee's Agitprop]. Moscow: MFD: Materik.
17. Khakhalov, A.U. (1970) *Ocherki istorii Buryatskoy organizatsii KPSS* [(Buryat Organization of CPSU. History Essays). Ulan-Ude: Buryat kn. izd-vo.

Сведения об авторах:

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: kuraslv@yandex. ru

Кальмина Лилия Владимировна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: kalminal@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kuras Leonid V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kurasov@yandex. ru

Kalina Lilia V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation) E-mail: kalminal@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 12.01.2022; accepted for publication 05.07.2022